

«Живы ещё проповедники истины, радость моя не скорбит ни о чём»

Эта картина из цепкой памяти детства навсегда осталась со мной: лето, жара, Трубеж, двухместная надувная лодка... «Смотрите, смотрите, поп с попадъёй плывёт»... — и с перил «живого» моста в воду солдатиком.

Почему-то тогда, в 68-м, мы, десятилетние пацаны, отказывали молодому священнику Иоанну, только что принявшему приход Покровской церкви, в мирских развлечениях. Странно нам тогда это казалось, дико. Вроде как и не человек он, а небожитель какой-то...

...С тех пор минуло двадцать четыре года. Как писали в застойной прессе: «облик Переславыя неузнаваемо изменился». От себя добавлю: не всегда со знаком плюс. И только ЗДЕСЬ время застыло. Хорошо это или плохо — не нам судить. Важно другое: отец Иоанн, ЕГО церковь, ЕГО прихожане — то небольшое традиционное, что осталось от ТОГО города.

А отцу Иоанну — 60.

Только что он отправил в мир иной души двух умерших. Разъезжается похоронный кортеж, оставляя еловые ветки и... память.

«Пусть земля им будет пухом. Аминь».

До следующего таинства — крещения — есть немножко времени. Отец Иоанн садится на скамеечку отдохнуть, я присаживаюсь рядом, обращая свой слух в его воспоминания.

— Я — зимний, январский. В красивом месте родился — в деревне Березёнки. Ударение на последнее «е». Это Белинский район Пензенской области. Роща там берёзовая, потому назвали так. Семья моя была религиозная. Нас, детей, восемь человек родилось. Я второй. Отец, Андрей Ефимович, плотничал в колхозе. Мать, Агриппина Алексеевна, дома сидела, нас растила.

Мне рассказывали: дед на печке лежит, а тогда ведь дома рожали, и кричит: «Ну, кто там?» А ему в ответ: «Мальчик». «Назовите Иван». Я в день ангела своего родился — Иоанна Крестителя.

Голодно было в ту пору. Поехали в Ташкент — хлебный город. Мне четыре годика было. Отца ещё перед финской забрали в сталинские лагеря. Не гулаговские, а военные. Но в финской кампании он не участвовал, а в Отечественной войне довелось. В 43-м вернулся инвалидом. Мать была вынуждена пойти бельё стирать в детский сад.

В Ташкенте моя семья прожила 31 год. Во время войны, да и после ходил я с отцом в Успенский кафедральный собор. А мой друг, Георгий Кондратьев, в нём прислуживал. Однажды он и говорит мне, хочешь пойдём со мной, будем прислуживать вместе. Архиепископ там был Кирилл Ташкентский и Среднеазиатский. Чем-то приглянулся я ему, взял он меня. Дослужился до иподиакона.

Когда повзрослел, хотел в медицинский поступать, а потом решил в семинарию. Так, в 50-м году приехал в Троице-Сергиеву Лавру и поступил сразу во второй класс. Три года учился. Что изучали? Да много чего. Историю государства Российского, историю Русской православной церкви, Житие святых, Богословие — основное, сравнительное, догматическое, пасторское. Много чего. В 53-м году начал служить в Ташкентской епархии. Потом была Академия. Там же, в Загорске. А к тому времени я уже женат был на своей землячке. Дочка у нас появилась — Ирина. И вот однажды на сессии в Академии разговорился я с ректором

Московской духовной школы. Говорю, так мол и так, дочка слабенькая, не по климату ей там. И... через некоторое время получаю приглашение от Высокопреосвященного Митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна.

И вот с 68 года я здесь...

Иван Андреевич Беляков продолжает:

— Трое деток у меня (три, как известно, число Бога. — С. К.) и семь внуков. Старшая Ирина секретарь епархиального управления в Ярославле. Сын Константин — музыкант. Учился в Ташкенте. И дочка Анечка — детский врач. Живёт под Екатеринбургом.

Отец Иоанн рассказывал, как собираются внуки и просят: «Деда, покатай!», а я с трудом мог представить Ивана Андреевича на четвереньках, изображающего лошадку. Наверное, тот же комплекс, из детства...

— **Иван Андреевич, «теперь позвольте пару слов без протокола», как пел Высоцкий... Как думаете, оставлять мумию Ильича в Мавзолее или...**

— Нужно предать прах земле.

— **Священник-демократ (если такое бывает) Глеб Якунин в своих интервью прозрачно намекал на тандем «КГБ — церковь»... Можете не отвечать...**

— Ко мне приходили, но я служил одному Богу.

— **И ещё. Мне не совсем понятно насчёт «подставить другую щеку»...**

— Священный долг каждого христианина — найти слово примирения. Иначе: ты слово, он двадцать, ты в морду — он драться.

— **Иван Андреевич, а в свободное время чем занимаетесь?**

— В основном по хозяйству. У меня ведь сад, огород. Плотничать люблю. От отца, видимо, что-то осталось.

— **А рыбалка, охота?**

— Помоложе был — рыбачил. А стрелять живность нам нельзя. У меня даже кур матушка рубит... Сейчас Елена Дмитриевна на пенсии, а раньше мы с ней, действительно, как вы вспомнили, ездили на озеро, чудесное время проводили...

...Время проводили... Время проводило... Время привело.

Гегелевская спираль не знает покоя, туго закручиваясь в начало новой жизни.

«Крещается раба Божия Любовь во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь». Закончено таинство крещения. Часы пущены, отсчёт времени начат...

Здоровья Вам, Иван Андреевич, и долгие лета!